

16+

Николай Сунцов

Зигзаги времени

Книга вторая

Николай Сунцов

Зигзаги времени. Книга вторая

«Автор»

2019

Сунцов Н. М.

Зигзаги времени. Книга вторая / Н. М. Сунцов — «Автор», 2019

Молодой врач попадает в прошлое (во времена Ивана Грозного). Здесь он борется с врагами Земли Русской. Собственными знаниями продвигает Русь по пути прогресса.

© Сунцов Н. М., 2019

© Автор, 2019

Глава 1. Воевода

Обратный путь был спокойный, хотя все опасные места мы проезжали в полной боевой готовности, но, слава Господу, никто в этот раз не нападал. Разочарованный Иван Михайлович, которому вновь хотелось пострелять из своей снайперской винтовки, стал ездить на охоту со своими воинами, которые загоняли ему то кабанов, то косуль. Поэтому теперь у нас на обед и ужин частенько было свежее мясо. Ну, а так как среди нас было много награжденных, к тому же все воины получили оплату за боевой поход, да и кое-что из добычи было у них в кошельках, в общем, ехали все малость навеселе. Только находящиеся в дозоре были предупреждены о суровом наказании, если от них будет хоть запах спиртного. Да они и сами помнили о нападениях, и поэтому были настороже.

Рязань встречала своих героев колокольным звоном и восторженными криками жителей. Воины подтянулись и ровным строем проезжали по улице, по краям которой стояли горожане и махали им. Собрались все на центральной площади, где Иван Михайлович зачитал указ Ивана Васильевича о назначении меня воеводой и наместником царя, рассказал, как я храбро сражался с татарами, и что я, так же, как и он, награжден золотым орденом и обласкан царем. И что в скором времени возможно Рязань посетит государь наш. Много нового рассказал Иван Михайлович жителям: и то, как встретил их царь, и что говорил он им, какой он из себя, и правда, что он сильно строгий, и даже, что он пил и ел на пиру. Наконец, устав отвечать на все вопросы народа, мы прошли к воеводе в дом, где уже были накрыты столы с разносолами.

– Ну что, князь, оторвемся? – потирая руки от предвкушения, проговорил хозяин.

– Нет, Иван Михайлович! Мне домой надо, да и тебе с супругой повидаться хочется, так что до завтра! – отказался я от праздничного стола.

Дома, где меня уже ждали, тоже был накрыт стол. Ермолай уже распорядился насчет бани, телеги были разгружены, оружие убрано под охрану. Дружинники ушли по домам, остался только десяток, несший караул. Я сходил в баню, попарился и вымылся с дороги, после чего сел за стол.

Пока я отсутствовал в военных походах, купцы, которые состояли со мной в товариществе по показу фильмов и строительстве дома кино, уже построили по моему эскизу подвал и первый этаж здания, а это 1000 квадратных метров площади.

Подвал мне был нужен для установки печей отопления и генераторов, работающих от пара, для выработки тока. Это заняло одну треть подвала. Остальная часть подвала отводилась под сауну с бассейном и прачечной, и под склады для ресторана, который должен быть расположен как раз над этой частью подвала. Работа шла, но не слишком быстро. Спросил мастера, отвечающего за строительство:

– Как можно ускорить работу?

– Людей мало! Каменщики нужны, рабочие на подноску кирпича и подготовку раствора, в общем, человек сто, тогда здание готово будет через месяц. Еще надо двадцать лошадей с телегами для подвозки кирпича, досок на полы и потолки, рамы на окна, двери, все по проекту... – ошарашил меня мастер.

– Так, ты не спеши, возьми вот карандаш и лист бумаги, напиши, сколько и чего надо, и что в первую очередь нужно. Ну, а я попробую все это тебе предоставить.

Пока он старательно выводил свои подсчеты, сидя на стопке кирпичей, я прошелся по стройке, определяя место под колодец и каналю (*яму для слива нечистот – прим. автора*). Главное, чтобы они были друг от друга на расстоянии не менее 25 метров, иначе нечистоты могут попасть в грунтовые воды и загрязнить колодец. Выбрав оба места, показал их мастеру. Сказав, что скоро будут люди, распорядился, чтобы часть из них сразу поставили на копку колодца и каналии. Колодец я запланировал установить прямо в углу котельной, все равно

качать воду будем насосом, да и в бассейн проще наливать, а каналию – с противоположной стороны, за рестораном. Расстояние между ними 50 метров, так что не загрязним колодец!

Подъехал купец Прохор Колокольников с товарищами. Прошлись еще раз по стройке, замечаний у меня не было, кроме того, что медленно идет работа. Начали причитать, что не хватает денег, торговля идет плохо, пока еще только синемаатограф выручает, «да и то казначей забирает долю города и твою, князь».

– Сколько у меня накопилось за время отсутствия? – спросил я у купцов.

Тут же один достал свиток из-за пазухи и, посчитав, выложил:

– 571 рубль серебром у тебя, князь, а у города – 108 рублей серебром.

– Сколько надо на строительство еще денег? – спросил я.

– На кирпич и доски со столяркой не менее 1000 рублей серебром, так как тут снова изменения в виде колодца и ямы! – ответил Прохор.

– Хорошо, деньги будут, но и доля моя, значит, увеличивается соответственно на вложенную сумму, – констатировал я.

Купцы повздохали, но тут я был прав, и крыть им было нечем.

Расставшись с купцами, я поехал с Ермолаем в свое поместье. Подъезжая, не узнал, – весь луг был заставлен наскоро сколоченными из досок домиками. Ровными рядами они стояли от края луга до другого края, и рядов было не сосчитать.

– Это что такое, Ермолай? – обернулся я к нему с вопросом.

– Пленные бывшие, от татар пришли и сказали, что Вы их направили сюда! – ответил слуга.

Я проехал по улице из построенных дощатых домиков. Народ, увидев меня, выходил и кланялся, радуясь, что дождались барина. Доехав до предполагаемой середины лагеря, остановился и стал ждать, когда соберутся люди. Похоже, меня заметили и в деревне, так как оттуда пылила телега со старостой.

– Ну, здравствуйте, мужики и бабы! Вижу, добрались, давайте начнем жизнь заново. Первое, что я прошу от вас, это то, что мне нужны воины, так как татарва не уймется и будет нападать, пока мы их не разобьем. Воин будет получать 3 рубля серебром в месяц, и добычу, что возьмет в бою. Оружие, доспехи и конь – бесплатно. Жилье и еда тоже за счет города. Кто чувствует, что сможет встать против врага, записывайтесь у старосты. Далее, мне нужны мастера, а именно: кузнецы, каменщики, металлурги, лекари и просто грамотные люди. Подходите, работы очень много, особенно для плотников, которые будут строить для вас дома. В первую очередь для тех, кто уже работает, а не сидит на иждивении. Дома будете ставить вдоль реки Доча, по линейке, отмеряя ровные расстояния от дома к дому, шириной улицы не менее 30 аршин. Вся работа по разбивке участков на строительство возлагаю на старосту. Кто может поставить дом себе сам, то милости прошу, заключайте договор со старостой на выделение леса, лошадей, телеги, и стройтесь. Опосля все отработаете. В помощь старосте необходим писарь, лучше два. Оклад будет, как и воинам, 3 рубля, плюс жилье и дрова.

Не успел я закончить речь, как сквозь толпу протиснулись паренек и девушка:

– Можем писать и читать! – чуть ли не хором воскликнули они.

Я достал лист бумаги и карандаш, подал пареньку:

– Напиши свое имя, возраст, откуда ты, и где научился писать и читать!

Паренек взял в руки карандаш и легонько почеркался им по бумаге. Убедившись, что он правильно понял, что это писало, начал свою работу. Подождав немного и видя, что паренек знает грамоту, и, хоть и не быстро, но пишет, я начал знакомиться с девушкой:

– Ты откуда, красавица? – спросил я сразу засмущавшуюся девушку.

– Из Мурома! Деревня была у нас, рядом с городом, а татары напали и сожгли ее вместе с церковью. Всех, кто сопротивлялся, убили, остальных угнали в полон. Отец у меня служил

в церкви, батюшка и выучил меня писать, читать и считать. Убили его, и сожгли в церкви! – рассказав, она зарыдала, вспомнив весь ужас пережитого.

– Поедешь со мной в Рязань, учить детей будешь. Жилье дам, пока замуж не выйдешь, опосля думать будем. Жалованье положу, как и говорил, 3 рубля, но зато будешь, как и воины, на всем готовом. Захочешь отдельный дом, пойдешь в закуп, пока не отработаешь! В общем, думай! Если согласна, то иди в телегу к Ермолаю! – закончил я и подошел к пареньку, который уже все написал и ждал меня.

Почерк у него оказался красивый, ровный, и написано почти без ошибок, что по тому времени считалось отличным. Передав его в распоряжение старосты, я вновь обратился к бывшим рабам:

– Итак, определитесь, кто пойдет и куда! Просто так я кормить никого не собираюсь! Записывайтесь по профессиям, строители и подсобные рабочие в город, надо человек сто – сто пятьдесят, плотники – к старосте, на строительство деревни для вас же. Женщины, имеющие свои специальности, тоже подходите и записывайтесь! Может еще есть грамотные, али повара, лекари, ткачихи, портнихи? Подходите, не стесняйтесь! Всем найдем работу!

Подошли еще несколько женщин, одна из них была травницей, знала грамоту, но могла только читать. Три были ткачихи, знали станки и производство тканей из льна, и две портнихи. Как они сказали, могут сшить все, от верхней одежды до платьев и рубах. Этих отправил на телегу к Ермолаю, так как вспомнил, что у меня есть две швейные машинки. Открою супер ателье для богатых. Травницу тоже отправил к Ермолаю, откроют с Ладой больницу. Народ потихоньку подходил, то ко мне, то к старосте. Выделив из них наиболее ценных, таких как металлургов, кузнецов и каменщиков, я лично поговорил с ними. Каменщиков, я сразу сказал старосте, чтобы отправил поутру в город на строительство, вместе с подсобными рабочими, выделив для этого пятнадцать телег. Обратные телеги привезут продукты для лагеря. Жилье для рабочих найдем в городе. Для приготовления пищи и стирки белья сказал старосте, чтобы отобрал десяток женщин, без детей.

Тут ко мне протиснулся знакомый волхв:

– Князь, а для меня работа найдется? – улыбнувшись, спросил он. – Я умею лечить людей и животных, знаю травы и заговоры. Знаю много чего, что не знают люди!

– С тобой мы уже определились там, у татар! Так что поедешь со мной! Где-то с тобой рядом раньше был алхимик, живой еще он, али помер? – спросил я у волхва.

– Зачем он тебе, этот искатель философского камня?

– Ну, камень философский мы искать не станем, а вот другие элементы мы с ним попробуем! – ответил я, имея на алхимика определенные виды, ведь не зря же я покупал учебники по химии!

– Сейчас приведу тебе этого нечистого!

Да, не любили в это время алхимиков за их пристрастие работать с производными серы, так как запах серы ассоциировали с подземными духами, а значит с дьяволом (он же Чернобог).

Алхимик за дорогу совсем отошел и еле передвигался. Отправил я его на телегу к Ермолаю, где женщины положили его на сено в центр телеги, а сами уселись по краям. Сказав Ермолаю вымыть их и переодеть, дабы не было вшей, а Ладе по приезду осмотреть их и накормить, я отправил их в Рязань. Спать пока будут на сеновале, все же лето. Алхимику выделил чулан под лестницей и приказал Ермолаю готовить мастерскую 6 на 6 метров рядом с кузней. Для этого нанять бригаду, дабы за неделю поставили сруб и крышу. Дав все эти указания, я вернулся к металлургам, что стояли вместе с кузнецами и ждали моих решений.

– В общем так, мужики! Надо организовать производство и плавку металла, дабы можно было отливать пушки и другие вещи. Кто мне из вас скажет, что для этого надо? – спросил я.

– Первое – это добывать болотную руду! – выступил тщедушный мужичок с седой бородой и почти лысой головой. – Затем надо побольше угля, лучше березового!

– Подожди, Никодим! – остановил его кряжистый мужик с окладистой бородой. – Лучше все же сложить печь, да с наддувом, вот тебе и железо пойдет, ну а крицу, тут и кузнецы обрабатывают.

– С вами все понятно! – остановил их я. – Положим доменную печь по моему рисунку. От вас только опыт выплавки металла, от меня все остальное! Пока лето, организуйте поиск и сбор болотной руды, до осени надо собрать большой запас. Берите, сколько надо людей и добывайте руду. Пока поставим одну домну в расчете на здешнюю руду, опосля будем работать на привозной.

Дав распоряжения старосте о строительстве домны возле пилорамы, где ее можно было бы подсоединить к валу отбора мощности для работы мехов, которые нагнетали в домну воздух, я, отпустив металлургов и кузнецов, отправился домой.

С утра, как наместник и воевода, я принимал людей с жалобами и прошениями. Первым с отчетом за сутки пришел сотник городской стражи, отвечающий за порядок в городе:

– За сутки были задержаны два конокрада, один вор на рынке, девять буйных пьяных, потушен один пожар, и два смерда убиты в драке в трактире, убивцы задержаны!

– Хорошо, Иван Степанович! После обеда подведите их на суд, нечего задарма их в тюрьме кормить! – ответил я и отпустил сотника.

Было несколько жалобщиков, но их я отправил к помощнику, так как не было там ничего существенного, обычная склока, вечная тема жлобства. Правда, читая очередную анонимку, я нашел и что-то для себя: доводил до воеводы некий Ивашка (правда, откуда он знает грамоту?), что купец Исмаил Булгарский знает по ночам с татями, что шастают к нему, как только пропоют последние петухи. Что-то они затевают против царя и отечества! Как мне не хватало здесь Адышева с его армией филеров (*шпиков – прим. автора*)! Придется разруливать это самому, не хочется, чтобы в тылу была «пятая колонна» (*оппозиция, враждебно настроенная против власти – прим. автора*).

Зная адрес, решил сегодня проследить, и, если будет возможность, задержать «татей». Вызвал сотника, которого наградили орденом 2 степени, и, прочитав ему анонимку, предложил сегодня ночью, взяв два десятка воинов, окружить и задержать неизвестных. Воинов необходимо вооружить револьверами и холодным оружием для ближнего боя.

С вечера тихо окружили стоящий немного в стороне дом купца Исмаила Булгарского. Залегли в траве, чуть в стороне от забора, за которым бегали и изредка взлаивали злые собаки. Предупредив воинов о тишине и скрытности, стали ждать визитеров. Ночь стояла тихая, безлунная. Стрекотали кузнечики, тихо гудели комары, и где-то в городе слышался смех и визг девушек, гуляющих с парнями.

Уже за полночь, когда звуки из города стихли, послышался тихий стук копыт и скрип телеги. Возле ворот черным пятном нарисовалась лошадь, запряженная в телегу. Сколько сидело человек, было трудно распознать, да пока и не требовалось. Раздались условные стуки в калитку, и вот ворота распахнулись, пропуская гостей. Подняв ракетницу, я выпустил осветительную ракету, она же и была сигналом к захвату. Яркий свет озарил все подворье и группу вооруженных людей, стоящих возле груженной телеги. Не ожидавшие нападения и ослепленные светом ракеты «тати» оказались легкой добычей для моих тренированных парней. Миг, и вот все семь так называемых «татей» лежат оглушенные на земле. Воины, обыскав телегу, обнаружили целый арсенал: тут были к наконечники копий и стрел, сабли татарские, порох, пули и фузеи.

Еще больше оружия нашли в доме, где задержали еще четверых мужчин и самого Исмаила. Торопиться не стали, пока воины проводили углубленный обыск дома, я стал проводить допрос. Развели пленных по отдельности, дабы они не могли сговориться, начали допрос с Исмаила:

– Кто эти люди? Почему у тебя в доме столько оружия?

Он, как последний партизан, только мычал от боли, но ничего не говорил. Следующий же оказался более словоохотливым, особенно когда ему отрезали одно ухо. Тут он и заговорил. Оказывается, Исмаил готовил вооруженное выступление, когда крымский хан осадит Рязань. Он должен был ночью захватить и открыть ворота, перебив стражу. Вошедшим войскам показать все главные цели в городе, помогая обойти пункты сопротивления, и ударить с тыла. Вот и не читай анонимки! Всех арестованных отвели в тюрьму для дальнейшего разбирательства.

Пока у этих вырвали жало, но кто может гарантировать, что это одна ячейка? И что мне не сиделось просто в купцах, все надо лезть вперед! Вот теперь и разгребай, воевода хренов! Шутки – шутками, а надо узнать, когда запланировано нападение на город. Я спустился в подземелье тюрьмы, где располагалась пыточная. Как и полагается, горел огонь в жаровне, на раскаленных углях лежали приспособления для развязывания языка. У стены на дыбе висел Исмаил, глаза на избитом лице были закрыты, грудь вздымалась от тяжелого дыхания. Рубцы от кнута на спине еще кровоточили, напоминая о недавней экзекуции. Невдалеке на скамье сидел палач с подручным, отдыхая и потягивая холодное пиво.

– Ну, как он? Говорит? – спросил я у «пыточного» мастера.

– Ничего, скоро запоет! Мы пока еще только разминаемся! – с ухмылкой ответил палач, вытирая рукавом губы от пивной пены. – Сейчас нагреются инструменты, и приступим!

– Главное, узнайте время, когда татарва попытается напасть! – предупредил их я. – Сколько времени у нас есть, чтобы подготовиться к встрече, да об других изменниках, если есть!

Часа через два ко мне зашел его молодой помощник и принес на свитке записанные показания Исмаила, где он признается в том, что он служил крымскому хану Гирею и готовился ударить в спину, когда хан осадит Рязань. Его известили, чтобы он был готов к маю-июню следующего года, но возможно, что время изменят, так как среди руководства Рязани есть у хана свой человек. Кто он, Исмаил не знает, так как ему случайно проговорился связной.

– Кто связной? Когда будет снова? Кто в руководстве предатель? – я засыпал писаря вопросами, на что он спокойным монотонным голосом продолжил:

– Далее мы не смогли у него ничего узнать, так как под пытками он скончался! Разрешите приступить к допросу других предателей?

– Приступай, милейший! Если будут другие новости или другая цепочка к предателям, сразу ко мне! – налив кубок ромейского вина и отпив пару глотков, в знак уважения протянул писарю:

– Пей, за хорошую работу! Да постарайтесь с палачом не угробить мне этих пленных! Продадим опосля их на галеры, это будет похуже смерти им! – тот с благодарностью принял кубок и, выпив, тихо скрылся за дверью.

Так, а теперь надо думать, как подготовиться к встрече татар. То, что весной будет поход хана Гирея на Рязань, а далее на Москву, я не сомневался. Купцы, ходившие с товаром в Крым, доносили, что силы собираются немалые, только и разговоров о том, что надо наказать урусов и сжечь Москву. К этому же их подталкивала Турция, которая выделила для этого похода тяжеловооруженную конницу в количестве 10 тысяч воинов. Итого, по моим прикидам набиралось у крымского хана не менее 50-60 тысяч против моих 10 тысяч. Значит, надо попробовать их проредить до подхода к Рязани, а для этого тренировать своих новых воинов, гонять до седьмого пота. Как говорил Суворов: «Тяжело в учении, легко в бою!».

На улице уже рассвело, а я еще и спать не ложились, когда пришел писарь с донесением из пыточной. Только один из всех пытаемых дал дополнительные сведения, куда ездил купец, но что он делал в тех домах, он не знает, так как оставался на улице с лошадьми. Больше ничего они не знали. Так, хотя бы мы знаем, куда ездил Исмаил! Как мне не хватает помощника, такого же как Адышев, который взял бы на себя все эти расследования! Стоп! Алексей Федорович же говорил, если что – обращайся, он поможет. Переодевшись и захватив с собой самовар на

3 литра, я спустился во двор и приказал седлать коня. Полусонный слуга стал готовить меня к отъезду, даже не интересуясь, куда это я в такую рань собрался. Взяв с собой за пояс два пистолета, я нацепил саблю и выехал со двора. Городские ворота были еще закрыты, но воины, увидев меня, стали их открывать. Десятник, подойдя ко мне, спросил, надо ли мне охрану, но я категорично отказался. Не говорить же ему, что я скоро перенесусь в Москву. Доехав до опушки леса, я свернул с дороги в лес, где, повернув кольцо, представил, что я рядом с Москвой. Миг, – и я, как сидел на коне, так и оказался возле нее, где-то в километре. Вдали виднелись купола церквей, вились легкие дымки из труб, слышался шум пробуждающегося города. Где-то сзади приближался перестук колес и поскрипывание телег, но пока за поворотом их не было видно. Я тронул коня и направился к воротам города.

Подъехал к дому Александра Федоровича уже где-то около шести утра. Рановато, пожалуй, но служба есть служба. Постучал рукоятью пистолета в дубовые ворота, не слезая с коня. На стук открылось окошечко в створке ворот:

– Чего надо? Чего будишь хозяев? – довольно недружелюбно спросила заросшая морда стражника.

– Передай, что князь Федоров желает видеть Александра Федоровича по государственному делу!

– Прошу подождать, господин князь, не признали! – уже другим голосом ответил стражник, и тут же отправил другого сообщить, что прибыл князь Федоров.

Минут через десять ворота заскрипели, пропуская меня во двор. Спешившись, я передал коня прислуге, а сам с самоваром и свитками допроса Исмаила направился к крыльцу. Навстречу вышел уже одетый и бодрый Адышев, как будто он и не спал:

– Ба, Андрей Иванович! Какими судьбами! Даже не сообщили с okazji, что Вы собираетесь нас навестить! – распахнув свои объятия и похлопывая меня по плечам и спине, восклицал он.

– По делам, Алексей Федорович, по государственным! Как только узнал новости, сразу к Вам за помощью!

– Ну что ж, пойдем в кабинет, потолкуем, да и позавтракаем. Думаю, что ты с дороги еще ничего и не ел.

Мы прошли в кабинет, где я рассказал Адышеву об анонимке, захвате купца и допросе, передав ему свитки. Сказал также, что по моим подсчетам армия хана Гирея вместе с турками будет около 60 тысяч. Ожидать нападения нужно будет где-то в начале мая или в июне. Главное, чтобы татары не договорились с Литовским княжеством и поляками и не ударили с двух сторон, тогда точно будет очень трудно устоять. Закончив рассказ, я посмотрел на задумчивое лицо хозяина. Тот молчал, переваривая полученную информацию.

– Да! – крикнул он, как будто очнувшись от своих дум. – Озадачил ты меня! С литовцами и поляками мы разберемся. Есть у меня кое-какие письма, которые можно подкинуть польскому королю, о сговоре литовцев с Османской империей, дабы захватить и разделить Польшу. Пока они будут грызться между собой, надо попытаться разбить хана. Что ты собираешься делать, чтобы не пропустить врага к Москве?

– Ну, для этого укрепляем города Белгород, Курск, Елец и Одоев! Рязань у меня уже почти готова к обороне. Я же буду со своим спецназом кусать их со всех сторон. Для этого подготовлю и скоростные ладьи, и пушки, и много чего еще. Пока они начнут осаду города, я буду бить их сзади, так что не допустим татар до Москвы. Мне просто сейчас надо усилить гарнизоны городов, дать им побольше пушек и пороха. Отвести мирных людей от путей следования татар, чтобы не могли они найти пропитания. Вот так, как-то! Нужны полномочия, чтобы я мог заставить всех тамошних бояр и воевод встать на защиту земли русской. Где добрым воззванием, а где силой указа царя нашего, Ивана Васильевича! Ну, а кто упрямитесь будет, то и наказать его чтобы мог. – закончил я свои мысли.

– Будет тебе такой указ, Андрей Иванович! Давай откушаем, да поедем в Кремль, к государю нашему с докладом!

– Тут я тебе подарок маленький привез, Алексей Федорович. – ставя на стол начищенный до золотистого блеска самовар, весь в медалях.

– А что это за чудо такое? – разглядывая его со всех сторон, поинтересовался Адышев.

– Называется самовар, вот сюда заливается вода, а здесь разводится огонь, или насыпаются угли. Когда закипит, из грана наливается в чашку. Только поставить надо трубу, чтобы дома греть чай, в общем, ты пока на Руси первый обладатель самовара! – объяснил ему я.

Налюбовавшись на самовар и позавтракав, мы поехали в Кремль к царю. Пропустили нас быстро, хотя Адышева предупредили, что Иван Васильевич еще не завтракал, поэтому может быть в плохом настроении. Конечно же его это не остановило, и вот перед нами вновь государь всея Руси Иван Грозный IV. Лицо его и на самом деле вначале было недовольное, все же визитер такой ранний, но увидев позади Адышева меня, Иван Васильевич расплылся в искренней улыбке:

– Князь, Андрей Иванович! Вот кого не ожидал в сей ранний час! Ну, здравствуй, друг ты мой сердечный! Пойдемте, откушайте вместе со мной, да и расскажите, что случилось, ведь не просто так заявились в такую рань?

За легким завтраком, где царь кушал какую-то кашу (все ж желудок, по-видимому, беспокоил, да и Успенский пост был), Адышев ему вкратце все и рассказал: и о раскрытом заговоре, и о том, что в мае возможно нападение крымского хана Девлет-Гирея с его 60-тысячной армией, поддерживаемого Турцией. И что особо опасно, если они сумеют сговориться с Литвой и Польшей. Царь даже перестал кушать:

– Ну, и что вы предлагаете, мои верные друзья?

– Андрей Иванович предложил на пути войска делать засады и трепать его с разных сторон. Укусили, отошли! С другой стороны, укусили, снова отошли. Когда те обложат город, ударить сзади, стараясь обезглавить войско врага. Тем более, есть у нас и секретное оружие, и пушки, так что, думаю, выстоим! – рассказал Алексей Федорович царю примерный мой план.

– А ты что добавишь, князь? – спросил меня царь.

– Надо в каждый город, стоящий на пути врага, направить не менее пяти тысяч стрельцов, вооруженных фузеями с большим запасом пороха и картечи. Желательно добавить туда пушек и пушкарей. Как только замерзнут реки, отправить отряды на усиление гарнизонов. Дать указ на пополнение запаса продовольствия в городах: Белгород, Курск и Елец. До Одоева, я думаю, татар не допущу, повернут обратно. А вот людей из деревень и хуторов надо с дороги татар убрать, чтобы шли они и голодали. Ну, а мы их свинцом и накормим! Уже сейчас надо начинать укреплять эти города, ставить заграждения, обновлять и ремонтировать стены и рвы, копать ловушки. Да, много работы будет, главное, обучить гарнизоны обращаться с оружием. Поэтому, Иван Васильевич, прошу на это время заменить меня в Рязани на достойного человека!

– Что, опять Ивана Михайловича ставить? – удивился царь.

– У тебя, государь, есть и другие верные люди, вот, например, брат Алексея Федоровича

– Даниил! – тут больше царя удивился сам Адышев, попытавшись меня остановить, но я продолжил:

– Главное, он тебе верен, да и Алексей Федорович где-то подскажет, где-то поможет. Никто не рождается сразу воеводой, научится, было бы желание! Да и людей я оставлю возле него верных, помогут на первых порах! – аргументировал я свое предложение.

– А что, может и вправду поставить твоего Даниила Федоровича на воеводство? Нечего ему с боярами скамьи протирать на пирах, да зайцев гонять по посевам! Что скажешь, друг мой? – обратился царь к онемевшему Адышеву.

– Благодарю, государь мой, за милость! – поклонился он.

– Да не меня благодари, а друга нашего Андрея Ивановича. Видишь, как разложил и объяснил, да и прав он. В Рязани все налажено, гарнизон обучен и готов, только поддерживать в таком же состоянии. Да и ты, я думаю, отправишь своих людишек для искоренения всех заговоров как в Рязани, так и в Белгороде, Курске и прочих, которые назовет князь. В спину защитникам городов не должны ударить заговорщики. Сегодня я подготовлю указы: о направлении войск с пушками и запасами в перечисленные города, о назначении Даниила Федоровича Адышева – воеводой и моим наместником в Рязани, а Андрея Ивановича – главнокомандующим южной армии с подчинением ему всех гарнизонов и войск от Белгорода до Москвы. Ты же, Алексей Федорович, возглавишь тайную службу, будешь бороться с заговорщиками и врагами государства! Для этой цели не жалеи ни денег, ни сил своих и людишек! В зародыше уничтожай их, а палача я тебе дам знатного: Малюта Скуратов, тот еще мастер «ножа и топора», от одного его вида уже враги дрожат! – улыбнувшись, царь поднялся из-за стола, перекрестился на иконы:

– Пойдемте на заутреннюю, други мои, помолимся о помощи нашим делам Господу.

После заутренней молитвы, я последним принял причастие у Сильвестра, после чего рассказал последние новости из Рязани, упустив, конечно, раскрытие заговора и планы по защите от татар. Больше всего заострял на строительстве дома кино, деревни для пленных, заводов, и прочее. Не забыл и об учебе детей, он тоже рассказал, что взял десять мальчишек из бедных семей и учит их читать и писать. На пожертвования он их кормит и одевает. Ну, а они помогают ему в свободное от учебы время прибираться в церкви и возле нее. Лицо его излучало доброту, и я не сомневался, дай ему Господь силы, и он вырастит из них хороших, добрых христиан. Попрошавшись с ним, я направился к выходу. На улице меня уже ждал Адышев с Указами, которые он забрал из царской канцелярии.

– Я, Алексей Федорович, сейчас отправляюсь обратно, а ты постарайся побыстрее отправить Даниила Федоровича и его помощников в Рязань. Да соглядатаев своих хороших с письмами об оказании всякой помощи от воевод Белгорода, Курска и Елецка, не забудь отправить. Чувствую, что там тоже заговоры зреют. Тут уж твоя крепкая рука нужна, Алексей Федорович. – польстил я Адышеву.

Попрошавшись, у дома Адышева я сел на своего коня и отправился в обратный путь. Конечно, война – войною, но, как говорится, и кушать хотца, а у меня мои деревни с жителями еще не готовы к зиме, особенно беженцы. Надо вспахать по осени пашни, сделать запас зерна, муки, соли. Да много чего надо, если бы, конечно, была техника, то можно все по осени и успеть. Мысль, ухваченная за ниточку, уже обосновывалась и вырисовывалась, осталось только ее воплотить в жизнь. Для этого мне нужен волхв, которого я освободил из плена татар. Я перенесся в свою деревню, в березовом колке (*колок – небольшой островок леса, – прим. автора*), чтобы не видели жители. Оттуда направил коня к дому старосты. На месте его не застал, сказали, что на доме князя. Голос старосты услышал еще издалека, кого-то распекал, не стесняясь в выражениях. Увидев меня, он бросил провинившихся и подбежал ко мне, придерживая коня, пока я спрыгивал.

– Здравствуй, батюшка Андрей Иванович! – приветствовал он меня.

– И ты не хворай, Алексей! – ответил я ему с улыбкой и, приобняв, попросил найти из бывших рабов волхва.

Вскоре дружинники привели его ко мне. За это время он немного поправился, но одежда была так же истрепана. Окинув его взглядом, я пригласил его в дом, где попросил накрыть стол в моем кабинете на две персоны. Вскоре мы пообедали со стариком, где я спросил, как можно увеличить силу Сварога, для того, чтобы перенести нужные людям машины, для обработки полей.

Подумав, медленно пережевывая пищу, он достал из-за пазухи кривой нож с рукояткой, обмотанной кожей.

– Это жертвенный нож! Сейчас я научу тебя молитве, когда будешь произносить ее, капай свою кровь вокруг предмета, обходя его по кругу. Когда замкнешь круг и дочитаешь молитву, поверни кольцо. – сказал волхв и начал диктовать молитву.

Глава 2. Подсобное хозяйство

И вот я снова в Москве на даче у «Алкаши», в кармане американские «рубли», которые срочно необходимо поменять на советские «деревянные». А моего старого приятеля нет, дом на замке и, по-видимому, давненько, так как трава вновь затянула тропинку от калитки до крыльца. Придется переноситься в то же время, когда мы с ним тут пьянствовали, то есть корректировать время. Забрался в польский автофургон «Ныса» на кресло водителя, представил тот день, когда он опохмелялся пивом, и повернул кольцо. Вновь вспышка, и вот я слышу за дверями кряхтение, а потом радостный вопль Аркаши, когда он нашел пиво. Я вышел из гаража, и на крыльце появилась счастливая рожа пьяненького «Алкаши», который большими глотками осушал бутылку с пивом.

Ну как, полегчало? спросил я его.

Кайф! Маловато, правда! он посмотрел на последнюю оставшуюся бутылку.

Да ладно, поехали в город, еще заработаешь на обмене, по твоим расценкам – со штуки баксов сто твоих. А мне надо поменять пять штук, так что «пятихатку» (500 – прим. автора) заработаешь! соблазнял я.

И ящик пива! – тут же поднял расценки «Алкаша».

Если ты достанешь бланк с гербовой печатью нефтяной или газовой компании, я тебе не ящик пива, а ящик водки куплю! – предложил ему я.

По рукам! Только мне позвонить другу надо, он в Министерстве нефти и газа работает. – отрыгнул пивные газы хозяин.

Так поехали! Давай допивай, и погнали!

В городе остановились у ближайшего таксофона, откуда Аркаша и позвонил другу на работу, пообещав в ближайшем времени за два гербовых листа с печатью хорошо того напоить. На том и сошлись.

Через два часа листки тебе будут! – заверил он меня.

Обмен денег прошел на том же месте как по сценарию. Золотозубый уголовник с толстой барсеткой, и охранник с дубиной, правда, в этот раз он был не такой напряженный. Получив каждый свое, мы расстались, довольные друг другом. Я рассчитался с Аркашей, и он, «стрельнув» вдогонку десятку, тут же побежал к ближайшей пивнушке. Пришлось идти с ним, так как надо было получить гербовые листы предприятия. Подхватив качающегося посредника, который уже основательно заправился пивом, я отвел его в фургон, где он вскоре благополучно захрапел, растянувшись на сиденьях. Встреча была назначена в этом парке в фургоне, поэтому оставалось ждать еще час-полтора. Дверь открылась даже немного раньше, и в проеме появилась простая деревенская рожа.

Аркаша где? – спросила эта рожа.

Вон, спит на заднем сидении!

А кто со мной рассчитается?

Покажи вначале, что принес!

Он достал из папки два листа с шапкой «Министерство нефти и газа СССР» и гербовой печатью внизу. Я вынул двадцатидолларовую бумажку из кармана, и обмен прошел на «ура». Бумажка у него испарилась где-то в карманах, и он, сказав, что готов в дальнейшем снова помочь мне, исчез так же, как и появился. Я же поехал и приобрел вновь пишущую машинку, так как теперь мне надо было подготовить письмо-заявку на покупку техники и сельхозорудий для строящегося подсобного хозяйства в нефтегазовой Тюмени.

Узнав в справочной адрес «Сельхозтехники», я поехал туда, где встретился с главным механиком. Дело было перед обедом, и я пригласил его посидеть в ближайшем кафе, так как хотел с ним поговорить с глазу на глаз. Он оказался неглупый, и мы на его «Жигулях», проехав квартала два, остановились у невзрачной пельменной. Заказав по две порции пельменей, кстати, довольно вкусных, и по сто грамм коньячку, я выложил перед ним заявку на сельхозтехнику:

Трактор ДТ-75 – 2 шт.

Трактор МТЗ-82 – 2 шт.

Трактор Т-16М (шасси) – 2 шт.

Телеги прицепные самосвальные тракторные – 2 шт.

Плуг 4-корпусный – 2 шт.

Плуг 3-корпусный – 2 шт.

Автомобиль ГАЗ-66Д Самосвал – 2 шт.

Были в заявке еще сеялки и картофелекопалки, и многое другое, что даст мне быстро развить сельское хозяйство на моих больших землях.

Прочитав все это, он задумался, и, выпив свои сто грамм, отодвинул листок мне обратно:

В порядке очереди! Зайдете через полгода или даже год! Известим Вас, как все это появится.

Ну что Вы! Я же понимаю! – достав пачку долларов, я сунул ее под заявку.

Он приподнял листок и, окинув ее опытным взглядом, а это была стоимость «Волги», сунул пачку в карман вместе с заявкой:

Завтра будет готово!

А нельзя ли все это собрать в одном помещении или ангаре, чтобы я мог сфотографировать и отправить своему руководству. И если можно, то за отдельную плату мне бы хотелось, чтобы там было по пять тонн соляры и бензина в бочках. – и я вновь сунул в его карман пачку долларов.

Он удовлетворенно кивнул и, попрощавшись со мной, уехал «пробивать» мои дела. Я же поехал в магазин «Ткани и фурнитура», где выбрал пять швейных машинок «Подольск», двадцать тюков тканей ситцевых разных красивых расцветок, кучу различного цвета ниток для шитья, пуговиц, бельевой резинки и прочего швейного барахла (иголки, ножницы, шпульки для машинок). Загрузив все это в фургон, я поехал отсыпаться. Аркаша, возле которого я поставил обещанный ящик водки и закуски, уже спал как убитый, опустошив одну бутылку водки. Запах в фургоне стоял специфический от этого «Алкаши», хорошо, что гаишников на трассе не было. Загнав машину в гараж, я выгрузил из нее все покупки и перенесся в Рязань, сгрузив все, как всегда, в конюшню, так как в моих комнатах можно было покалечиться о завалы нужных вещей. Пригласив портных, я показал им материю и машинки, на которых они уже умели работать, и приказал перенести все это к Ермолаю на телегу и отвезти в дом Исмаила, где они будут жить и работать. Сделаем там модное ателье. Надо будет разжиться завтра старыми журналами «Мода», да купить недорогих халатов и платьиц для образцов, нижнее белье, там лифчики разных размеров, плавки, комбинации, чтобы мои швеи могли шить такое у себя. В общем, увидим и разберемся, и я улыбнулся, представляя себя в женском магазине.

Утром я перенесся в гараж и направился в «Сельхозтехнику». Секретарша, доложив главному механику, что прибыл представитель из Тюмени, пригласила меня в кабинет. Хозяин встретил меня с улыбкой, встав из-за стола, и поздоровался крепким рукопожатием:

Заказ Ваш собран в отдельном ангаре, можете смотреть и фотографировать! – обрадовал он меня.

Ну, если Вас не затруднит, то давайте пройдем и посмотрим. – предложил ему я.

Ангар был самым крайним из всех. Открыв замок на воротах, мы зашли в полутемное помещение. Техникой было заставлена почти вся площадь ангара. Сверкая свежей краской, стояли трактора и самосвалы, сеялки и плуги. В углу, отдельными друг от друга группами, стояли бочки с горючим. Пройдя и проверив все по списку, я вынул тоненькую пачку баксов и, сунув ее ему в карман рубашки, попросил разовый пропуск для фотографирования техники, так как фотоаппарат в гостинице, и я смогу приехать только к концу рабочего дня. Он, согласно кивнув головой, отдал мне ключ от ворот, взяв с меня обещание, что я его оставлю на проходной, и мы пошли к начальнику охраны, где он мне выписал пропуск. До вечера у меня еще было время, и я поехал в женский трикотаж, где купил штук десять халатиков, столько же платьев различных фасонов, по два бюстгалтера разных размеров и фасонов, ну и другие женские вещи. Объяснил продавщицам, что открываем пошивочное ателье в Тюмени, вот и беру на образцы. Тут я не лукавил, разве что в другом месте и времени. Заехал по пути в букинистический магазин и купил все подшивки журнала «Мода», надо же с чего-то начинать. Приглядев рядом с «Сельхозтехникой» пустынный тенистый сквер, куда можно перенестись, я поехал на дачу, в гараж. Пока было время, перенес вещи в свою комнату в Рязани, и тут же вернулся обратно в Москву, прихватив ;жертвенный нож волхва и написанную им молитву Сварогу. Сейчас и попробуем, сможем мы перенести все это или нет. Вахтер, равнодушно взглянув на пропуск, махнул рукой: « Проходи!». Зная дорогу, я уверенно направился к ангару. Работники к концу дня уже рассосались и на территории ни кого не было видно, значит ни кого я не заинтересую своим ритуалом. Полоснув ритуальным ножом по левой ладони и брызгая кровью по наружному периметру ангара я зашептал молитву волхва к Сварогу: Свароже, Дидо Рода Небесного, ты творец мира Явного – Солнца, Звезд и Земли – Матушки. В тебе сила творения великая сущая, коя в хозяевах рода нашего проявляется, Ты есть начало, всяким деяньям благим, что в сердцах рождаются, в уме созревают и в Яви плоды свои приносят. Разве могу я начать без благословения Твоего? Молвлю к отцу Небесному, пусть благословит дело мое правое, пусть воодушевит Светом своим, чтобы сотворил я на добро и радость Свету Белому, роду Православному, и родичам моим.

Слава Сварогу!

Обойдя ангар и сомкнув кольцо крови, я закончил молитву и повернул кольцо, представив свое поместье, задний его двор.

Очнулся я не очень скоро, все ж на здоровье большая потеря крови отражается. Позади меня стоял ангар, а передо мной уже достроенный мой дом. Так как был вечер и темнело, рабочие уже разошлись, и свидетелей не было, а то могли бы и прибить меня как нечистую силу. Перенесся обратно в Рязань. Нечего тут мозолить глаза, завтра официально приеду с Ермолаем и Степаном. Откроем и посмотрим, что у нас перенеслось. Утром велел запрягать телегу и седлать моего коня. Собрался быстро, так как не терпелось взглянуть вблизи на технику. Совесть о том, что она украдена, меня не мучила, так как нагоняй будет главному механику, а он явный взяточник, вот и квиты. Эта же техника поможет в развитии Руси и защите ее от врагов. Не для себя старался, мне бы хватило и богатств из бункера, а это я взял для народа.

Ермолай с сыном ехали на телеге позади меня, чтобы пыль, поднятая ими, не мешала мне, да и плелись они все же тише меня, хоть я и не гнал, хотя душе не терпелось окунуться в мир техники.

Подъехали мы к деревне, а народу не видать, все они собрались вокруг ангара, тихо переговаривались между собой, не зная, как воспринять это чудо. К добру это, али ко злу. Увидев меня, расступились, и ко мне подошел староста:

Вот, батюшка, чудо какое у нас случилось, сарай железный за ночь вырос, так вот и гадаем, это Господь знак послал, али происки нечистого?

Господь внял моим молитвам! Вместе с государем молились мы в его церкви, чтобы спас Он Русь нашу от ворогов и татей, чтобы дал нам оружие невиданное, которое русским помо-

гает и хлеб выращивать, и врагов убивать. Вот видите, ключ волшебный, Господь мне явился во сне и сказал, что под его иконой лежит ключ: – Возьми сей ключ и открой им железную дверь, что найдешь в своем поместье. Там, ты найдешь оружие невиданное – шесть железных коней, каждый из которых в сотню раз мощнее, чем самый сильный конь. Они помогут тебе и государю уничтожить врагов ваших, а потом будут пахать, косить и возить тяжести, заменяя кучу лошадей. Давайте же откроем и посмотрим на подарки от Господа нашего!!! – люди зачарованно смотрели и стояла глубокая тишина, заглушаемая лишь стрекотанием кузнечиков и криками петухов из деревни.

Распахнув двери, все увидели ряды техники, стоящей на бетонных плитах пола. Подозвав Степана, который уже знал, что такое техника и горючее, я попросил заправить вот из этих бочек трактора и показал, какие и куда заливать. Отец взялся ему помогать, тут же подошли ребята старосты, мои сварщики, и вскоре вся техника была заправлена соляркой. Настала очередь самосвалов. Их уже заправляли из других бочек – бензином. Попросил заправить бензином и пусковые двигатели на ДТ-75. Вскоре, дернув за магнето, я запустил пускач на одном тракторе, и его стрекот через мгновение сменился глухим мощным рокотом дизеля. Сев в кабину, я тронул рычаги и, развернувшись, выехал во двор, подняв предварительно бульдозерную лопату. Народ отпрянул в сторону от такого «зверя», который дымил из трубы и рычал по страшному. Я вылез из кабины, не глуша двигателя:

Ну как, мужики, испугаются его татары? А сколько земли он вспахать может, вон его плуг стоит, сразу четыре лемеха, не одну десятину за день вспашет, а тут его товарищи, тоже не отстанут. Хлеб и сено тоже они скосят и вывезут вон в тех телегах, да и сами же и разгрузят все это, а пока надо мне десять человек, кто будет учиться ими управлять. Большими людьми будут они после того, как научатся ездить на этих машинах!

После долгих уговоров и обещаний всяких благ, я набрал десять человек, правда половиной из них были три моих сварщика, Степан и его отец Ермолай, остальные были из бывших рабов, которым я пообещал поставить избы, если они научатся работать на этой технике. Махнув рукой, они согласились, лишь бы отомстить ненавистным татарам, раз Господь дал такое оружие. Сказав старосте, чтобы все расходились по рабочим местам, я начал учить мужиков управлять гусеничным трактором. Вначале, как заводить пускач, как потом пустить дизель, как трогаться, как останавливать, в общем, за день они научились водить гусеничные ДТ-75 лихо. Даже научились работать с навесным оборудованием, проще с «навеской». Завтра начнем пахать целину, подготавливая пашню к весеннему севу. Выпускаем два гусеничных трактора и два МТЗ-82. На следующий день, прицепив плуги и тяжелые бороны на «навеску», поехали на будущие поля. Я на МТЗ, а ребята на гусеничных тракторах, остальные пешим порядком, благо пути недалеко, всего с километр. Посадив ученика рядом в кабину, я опустил плуг и начал первую полосу, следом, как я и учил, пошел с небольшим отставанием, как бы уступом, другой трактор, следом за ним так же тронул свой трактор Ермолай. И вот черная, как бы маслянистая свежевспаханная полоса земли оставалась за нами. Предплужники сбрасывали верхний дернистый пласт на дно борозды, а отвал лемеха наваливал сверху на него пласт земли. Сзади наезжала тяжелая борона, разбивая комки, оставляя ровную, красивую, чистую от травы полоску земли. Трактора шли ровно, как по линейке, выдерживая одинаковую друг от друга дистанцию. Народ толпился у края поля, выражая свое восхищение шумными возгласами. Сделав круг, от противоположного края трактора пошли обратно, и вскоре я остановил свой МТЗ-82 возле учеников. Посадив на свое место сидевшего рядом со мной ученика, а рядом с ним другого, которого уже он будет учить работе на тракторе, я поехал на телеге со старостой за вторым МТЗ, который остался перед ангаром. И вот уже все четыре трактора пахут целину, удивляя селян, которые поверили в чудо Господнее. На их глазах то, что они мучились, вспахивая сохой, неделями, тут за какой-то час четыре железных коня в легкую обрабатывают целину, да к тому же чисто и без огрехов.

К вечеру трактора закончили вспахивать зябь, и ребята загнали их в ангар. Пропахшие солярой, запыленные, они, несмотря на усталость, были оживленные и радостные. Они покорили этих железных коней, заставили их слушаться, повиноваться малейшему своему движению. Деревенские парни, да и бывшие рабы, смотрели на них с восхищением, как на героев. Пацанята бежали за ними стайкой, старались прикоснуться к каждому. Староста приказал подготовить им баню и стол, втайне мечтая, что теперь с такой техникой они быстро отсеются по ржи, значит освободится много лошадей, которых можно перекинуть на вывозку древесины.

Я осмотрел дом. Он получился на славу. Большой под всем домом просторный подвал 30 на 10 метров, разделенный на три равных части кирпичными перегородками. Вход в центральную часть подвала был из прихожей, сразу же под лестницей, которая шла на второй этаж, а в остальные части подвала можно было попасть с улицы с торцов дома. В одной части разместится кочегарка с генератором и прачечная, а с другого торца подвала размещу химическую лабораторию. Центральный подвал использоваться будет как склад продуктов и напитков.

При входе в дом был большой холл со светлыми окнами. Прямо находилась широкая лестница с резными балясинами, ведущая на второй этаж. Да, тут надо красивую большую люстру, чтобы украшала 150 квадратных метров холла. Красивые, как бы витые, деревянные колонны поддерживали отходящие вправо и влево от центральной лестницы проходы с перилами к комнатам на втором этаже. С каждой стороны на втором этаже находилось по три комнаты. Одним словом, как и было у меня запланировано. Внизу же, с одной стороны холла находилась кухня и санузел, с другой стороны четыре комнаты для прислуги. Осмотрев все здание, прикинул, сколько и какой надо мебели, краски на полы и столярные изделия, проводов и светильников, сантехники... Записав все в записную книжку, чтобы не забыть, рассчитался за стройку с мастером и дал новое задание старосте:

Нужно строить из кирпича здание металлургического завода. Размеры я тебе нарисую. Бери и заключай договор с мастером, пока он не уехал, и за работу. Надо усилить производство кирпича, при нехватке закупай из других мест, но к зиме здание должно стоять. Задняя часть завода должна служить защитой, как крепостная стена, поэтому делай ее без окон. Высота стен не менее 6 сажень (*1 сажень 70 см – прим. автора*), длина здания – 70 сажень. С торца закладывайте мощный фундамент для плавильной печи. Печь, я ее нарисую с размерами, делайте из шамотного кирпича (*огнеупорный кирпич, делается из глинозема, выдерживает температуру до 1800 С – прим. автора*). – закончил я.

В общем, конструкцию я уже давно решил взять, как у Демидовых на Урале, изменив только то, что она будет с горячим поддувом от электрокомпрессоров. Высотой домна должна быть не менее 10 метров, в верхнюю часть из них, называемый колошник, загружают сырье. Ниже его в конической части происходит нагрев и восстановительный процесс, когда из железной руды отнимается весь кислород и остается лишь железо. Ниже второго яруса идет «распарка», где происходит само плавление железа, затем ниже еще одна коническая часть печи – заплечики, в которых выделяется из кокса так называемый «восстановительный газ» (монооксид углерода). Ну, а в самом низу – горн, из которого извлекается готовый продукт и отходы. В общем, когда увидел все это своими глазами, да еще гид рассказал, запоминается надолго. Вот и пригодится. Сейчас надо сделать хороший под нее фундамент, все же громадина тяжелая будет. Пока занимаются им, надо съездить посмотреть другую стройку – синематограф. Ермолай со Степаном дожидались меня уже у ворот, чистые после мытья в бане. Мужики предлагали им остаться, попить пиво, которое выставил староста, но Ермолай – не любитель спиртного – отказался.

Приехав в город, сразу же поехал на стройку. Рабочие уже прибыли, и работа кипела вовсю. Люди, как муравьи, сновали по мосткам, поднося кирпич, раствор, где-то громко ругался мастер, обзывая кого-то провинившегося пентюхом (*обрюзгий человек с большим животом – прим. автора*) и божедурьем (*дурак от Бога, глупец, идиот – прим. автора*). На

эти крики я и пошел, зная, что найду там мастера. Тот устраивал разнос каменщику, увидев, что кладка сделана неровно и явно наспех. Переведя его из привилегированного класса каменщиков в подсобные рабочие, и поставив на его место другого, благо выбор работников теперь у него был, он повернулся ко мне:

– Здравствуй, барин! – сдернув колпак и кланяясь, произнес он. – Ну, как с такими работать?! Одни бзыри (*гуляки и повесы – прим. автора*), валандаи (*лодыри – прим. автора*) и колоброды (*бездельники – прим. автора*)! А Вы работу требуете быстрее! – начал он снова заводиться.

– Подожди, не горячись! Пойдем, лучше, покажешь свою работу, да скажешь, что тебе еще нужно для стройки. – я взял его за локоть, чтобы человек успокоился. Все ж приятно, когда люди радеют за свою работу, правда, и нервов никаких не хватает.

Второй этаж, предназначенный под гостиницу, был уже выложен, доделывали лишь межкомнатные стены. После чего займутся установкой крыши и «столяркой», то есть окнами и дверями. Значит, по срокам мы укладываемся. Колодец тоже уже вырыли и опустили в него деревянный сруб, место выбрано удачно, угадали в водяную жилу. Пора до осени подготовить отопление, сантехнику и электричество, а это значит, опять в командировку на металлобазу или «блошинку». Нет, сегодня однозначно надо отдохнуть, вымотался за последние дни! Попрощался с мастером, дал ему золотой в награду за хорошую работу, и поехал домой. Пелагея накормила меня вкусным обедом, ворча, что я весь измотался и не жалею ни коня, ни себя! Что исхудал весь с этой стройкой и войной. Что все только на мне «и ездют, и ездют», совсем уже совесть потеряли, подкладывая мне то кусочек пирога, то обжаренное с чесночком куриное бедрышко, ворчала моя стряпуха. Выпив напоследок почти пол-кринки молока, я поднялся к себе с комнату и завалился спать. Все ж права Пелагея, – «и ездют, и ездют на мне, совсем совесть потеряли!» – поэтому уснул я быстро и без снов.

Проснулся часа через два, уже хорошо отдохнувшим, на часах три пополудни, пора съездить к моим портнихам. Взял с собой Ладу, которая с Ермолаем стали моими ближайшими помощниками. Доехали до дома Исмаила быстро, на первом этаже был организован магазин одежды, а на втором – ателье. Тихо стрекотали машинки, за которыми сидели молодые девушки. В стороне от них «колдовали» закройщицы, раскраивая материал. Увидев меня, все поклонились, а ко мне подошла управляющая, женщина бальзаковского возраста.

– Здравствуй, князь Андрей Иванович! Какие будут указания, или хотите, чтобы мы сшили Вам красивую вещь?

– Нет, Мария! Хочу провести рекламу вашего ателье, затем и заехал, чтобы обсудить, как лучше это сделать. Образцы женского белья я вам привез, ткани тоже, фурнитура и нитки есть. Подготовьте по сто штук лифчиков и плавок, комбинаций разных размеров, а мы, как только у вас будет все готово, начнем перед фильмами делать объявления. Привезу вам заграничный манекен, будете его одевать, чтобы люди видели, что и как выглядит. Да побольше шейте сарафанов нарядных, кофточек и юбок! Ну, а сейчас оденьте мою помощницу наряднее, да и белье, что я привез, примерьте, если подойдет – отдайте, я привезу еще!

Отдав распоряжения, я спустился на кухню, где мне налили сбитень и предложили пирог с рыбой. Через час спустилась Лада с Марией. Лицо Лады светилось счастьем, да и выглядела она в новом платье (пусть, и ситцевом) красавицей.

– Спасибо, барин! – поклонилась она мне.

– Помогай, старайся, и тебе вернется! – ответил я и повернулся к Марии. – На днях постараюсь подвезти шерстяные ткани заграничные. «Драп» называется, шейте к осени женские пальто. Фасоны обдумаем вместе с вами, главное, быть впереди моды. Недели хватит, чтобы подготовить выставку-продажу? – спросил я Марию.

– Хватит, князь! Девочки стараются, да им самим интересно работать на таких машинках и с такими тканями!

– Запустим кинотеатр, будет у тебя там постоянная выставка, все богатые заказчицы будут у тебя. Проведем в дом электричество, хоть круглосуточно работайте, будет светло! – обрадовал я управляющую, так как пока дохода от ателье у меня не было, все шили у своих швей.

Надо было дать толчок, показать новейшие наряды. Начнем с недорогих тканей, а затем перейдем на более богатые, для знати.

Сели с Ладой в карету и поехали обратно к дому. Лада вся лучилась, немного же надо человеку для счастья! Надо почаще радовать своих помощников, от таких подарков и у самого положительная энергия поднялась!

Приехав домой, поднялся к себе в кабинет и рухнул на диван, чтобы осмыслить и построить планы. Сейчас мне нужно дождаться нового воеводу Даниила Федоровича с его помощниками, а там и мы отправимся в поход, чтобы уничтожить Девлет-Гирея в зародыше. Тем более, что мои сотники каждый день гоняли подчиненных на стрельбы, занимались рукопашным боем, чисткой оружия и прочими работами, так как я сказал, что возьму в поход только самых лучших, а это и повышенные выплаты, и возможность взять трофеи.

Вечером, когда все улеглись, и ворота закрылись, я убавил фитиль у лампы и, представив раннее утро вчерашнего дня в Тюмени, переместился на дачу. К девяти утра я был уже в ЦУМе, где был богатый выбор тканей. Выбрал по рулону разных расцветок драпа, от белого до черного, набрался десяток рулонов. Грузчик погрузил их на тележку, и как только я рассчитался с удивленной продавщицей, отвез до стоянки, где я сгрузил все в свой «Запорожец». Спросил у грузчика, где можно приобрести штук двадцать манекенов. Тот, почесав затылок, предположил, что, наверное, на швейной фабрике. Поехал туда, благо всего две остановки. На проходной меня направили к замдиректора по общим вопросам. Лысоватый упитанный мужичок разговаривал по телефону, указав мне на стул, он еще минуты две объяснял кому-то, что заказ быстро сделать не получится, так как план никто не отменял, и поэтому придется подождать. Наконец, закончив разговор и вытерев платком пот со лба, он, поздоровавшись, поинтересовался, по какому я вопросу пришел к нему. Я честно ему признался, что меня интересуют манекены женские и мужские в количестве двадцати штук. Он оторопело посмотрел на меня:

– Уважаемый! Мы же не производим манекены, мы – швейная фабрика! – и стал торопливо протирать запотевшие очки.

– Я это знаю! Но мне рекомендовали Вас, сказал, что Вы можете все! – и я положил перед ним пачку двадцатидолларовых банкнот.

Он, оглянувшись на дверь, прикрыл ее папкой и тихим голосом спросил:

– Не новые пойдут? Так называемые бэушные? (*бывшие в употреблении – прим. автора*).

– Давай пятнадцать женских и пять мужских. – ответил я.

– Сегодня после работы жди у проходной. Я буду на «вахтовке» номер 62-58 ТЮЕ.

– Ну, а я на белом «Запорожце». Если довезешь до дачи, дам еще сто баксов.

– По рукам! – радостно пожал мне руку замдиректора.

Вечером за мной пылил синий «Газон» с будкой. Подъехав к даче, замдиректора помог мне выгрузить манекены, и еще раз попрощавшись, уехал прятать «баксы». Я же, сложив аккуратно стопкой манекены и тюки с тканью, перенесся в Рязань, на конюшню, примерно в то же время, когда отправлялся. В доме все спали, не стал никого будить и перенесся с кабинет, на свой любимый диван. Лампа тускло освещала комнату, поэтому ни за что не запнулся и ничего не уронил на пол.

Утром меня разбудил шум во дворе и чей-то плач. Я выглянул в окно, у ворот какое-то столпотворение из воинов, Ермолая, дворовых рабочих. Умылся, оделся и вышел во двор, ко мне подошла Лада:

– Андрей Иванович, доброе утро! К Вам женщина просится, плачет!

– Дак пустите, поди не убивать меня идет! А то вон сколько мужиков набежало защищать меня от бабы!

К крыльцу подбежала и рухнула на колени молодая женщина с растрепанными волосами:

– Помогите, батюшка Андрей Иванович! Спасите моего единственного сыночка! Сказали, что только ты можешь его спасти, так как за тобой сам Господь! За кого бы ты не брался лечить, ты всех подымал на ноги, считай с того света возвращал! Спасите моего сыночка, век буду за тебя молиться, в холопки к тебе пойду! – она зарыдала в голос.

Я приказал Ладе принести настойку валерианы и сам накапал ей тридцать капель в кружку с водой. Выпив, она немного успокоилась, и я стал ее расспрашивать. Оказалось, что мальчик 6-7 лет от роду, с сильным жаром второй день, часто рвет его, лихорадит, жалуется на боль в горле, почти ничего не ест, только пьет воду. Отправив Ладу, чтобы принесла мою санитарную сумку с лекарствами и инструментом, поехали в карете к дому больного. Домик был на окраине города, старенький, покосившийся, с окнами, затянутыми бычьими пузырями. Земляной пол был чисто выметен. Позади избы стояла печь с трубой наружу (раньше частенько избы топились «по-черному», дым выходил через отверстие в крыше, так как за каждую трубу вводился налог на дым). В углу на топчане, укрытый толстой дерюгой, лежал мальчик с бледным лицом и закрытыми глазами. Поставив сумку на чисто выскобленный стол, я попросил согреть воду и, достав три марлевые повязки, одну одел сам, другую дал Ладе, и третью – хозяйке:

– Одевайте, если я не ошибаюсь, у него заразная болезнь, и дай Бог вам миновать ее. Если мы не опоздали, то он выздоровеет.

Взяв лопатку и фонарик из сумки, я, приоткрыв ребенку рот, осветил его миндалины. Как я и думал, на воспаленных миндалинах виднелась пленка, характерная при дифтерии. Лекарства у меня в сумке не было для его лечения. Поставил капельницу глюкозы, все же какое-то питание, и поддержит силы ребенка. Бутыль привязал к вбитому в паз бревен кольшку, дал аспирина матери, сказав, как проснется, чтобы развела в воде и попоила, а сам отправился домой, надо было срочно перемещаться на аптечные склады. С собой у меня были и доллары, и рубли. Переодевшись в свои джинсы и свитер, я вновь пылил в Тюмень к открытию аптечных складов. Забегав к заведующей, которая меня знала хорошо еще по работе во второй городской больнице, я попросил ее подготовить 100 пачек Анатоксина Дифтерийно-Столбнячного, или проще АДС, Джозамицина (он же Вильпрафен) – так же 100 упаковок, для взрослых Клиндомицина от дифтерии, а также 1000 доз противотоксичной дифтерийной сыворотки. Рассчитался с ней валютой, все же знали друг друга давно, я попросил подготовить вакцины от оспы и холеры, а также лекарства от дизентерии и брюшного тифа. Сказал, что рассчитаюсь также валютой. После чего, загрузив все богатство в «Запорожец», я благополучно с пересадкой добрался до Рязани, вернувшись в раннее утро. Подготовил сумку с лекарствами, и как только послышался шум у ворот, я выбежал уже готовый ехать. Приказал запрячь карету, я посадил убитую горем мать, и мы помчались к ее дому.

Поставил мальчику противотоксичную сыворотку от дифтерии и, подготовив блистер с Вильпрафеном, который отдал матери, чтобы давала по полтаблетки утром и вечером, пока не выпьет все, то есть курс 10 дней. Снова воткнул кольшек в стену над головой мальчика и привязал бутылку с глюкозой. Ввел в вену иглу с трубкой, по которой поступало питание измученному болезнью организму. Оставил фурацилина для полоскания горла шесть раз в день, сказав, что это обязательно, если хочешь, чтоб выздоровел.

Затем приказал матери оголить руку и ввел ей прививку от дифтерии АДС. Спросил, с кем еще контактировала перед болезнью ее сын, она назвала соседних детей. Взяв сумку с лекарствами, пошли по округе, где уговорами, а где и в приказном порядке я ставил всем, и взрослым, и детям прививки, чтобы заглушить очаг инфекции в зародыше.

Всем объяснял, как только заболит горло, и появится температура, обращаться ко мне или помощнице Ладе, денег за это мы не берем. Кто не обратится – помрет, особенно, дети.

Все это подтверждала мать больного ребенка, уговаривая своих соседей сделать прививки всей семье.

К вечеру я, уставший, вернулся домой, где взялся учить Ладу ставить прививки, стерилизовать иглы и шприцы. Так как ампулы было необходимо хранить при температуре +2°С до +8°С, то есть в погребе на леднике, что было не очень удобно, да и оставалось их еще достаточно, решил поручить это дело Ладе и Данилу из моих дружинников, который очень хотел стать лекарем. Сказал Степке-киномеханику, чтобы объявил, кто поставит прививку – приходит смотреть фильм бесплатно. Кто сообщит о заболевшем дифтерией – проходит три дня бесплатно. Реклама подействовала: наутро возле ворот выстроилась очередь желающих получить за укол бесплатный билет в кино. Слава Богу, пока не нашлось желающего ходить три дня бесплатно. Ребятишки, правда, прибегали с болезнями из знакомых, то нога, то поясница, то болит голова у деда, то чирей у отца... Главное, не было распространения дифтерии. Оставив Ладу с Данилом на прививках и раздаче билетов, поехал посмотреть больного. Мать кормила его с ложечки, вид у парня был получше, появился румянец на щечках, глаза с интересом разглядывали меня, правда, глотал еще с трудом.

– Здравствуй, герой! Кушай, а потом будем смотреть твое горлышко! – приветствовал я мальчика, который рассматривал мою украшенную камнями саблю (Вот же дурная привычка форсить, никак от нее не избавлюсь!).

Мать тоже с обожанием смотрела на меня, как же, сыночек очнулся и уже кушает.

– Корми ребенка, я подожду! – прикрикнул я на нее, так как еще мгновение, и она бы рухнула передо мной на колени. – Ты, кстати, кем работаешь и где? – спросил я ее, лишь бы отвлечь от мыслей падать на колени.

– Кухарка я, работала у купца Кондрашова, да как только сыночек мой заболел, и я не вышла на работу, он меня и прогнал! Так что уже, выходит, нигде не работаю! – вздохнула она.

– Завтра выходи ко мне на работу. Пелагея у меня хорошо готовит, а скоро открываем в центре ресторан для богатых, трактир по-здешнему. Если хорошо будешь готовить, работа у тебя будет, да и заработки неплохие. Парнишка вылечится, пусть идет учиться, там и накормят, и приоденут. Да и тебе спокойнее, на глазах будет.

Из глаз матери хлынули слезы, и она припала к моей руке:

– Спаси тебя Бог, княже, за то, что ты делаешь для простых людей, не даром же народ говорит, что тебя к нам сам Господь послал.

– Таблетки не забудь давать ребенку, утром половину, и вечером вторую! – оборвал я ее речь.

– Сделаю, все сделаю, что ты говоришь, барин! – вытирая слезы концом платка, висящим на ее плечах, сказала она.

Пожелав им здоровья, я поехал домой. К вечеру пришла Лада и сказала, что вакцина закончилась, а желающих получить бесплатные билеты не убавилось. Кроме этого стоит очередь больных, которые хотят, чтобы барин их осмотрел.

– Тяжелые есть среди них? – поинтересовался я.

– Двое с переломами, и один с острой зубной болью. – ответила Лада.

– Приглашай с зубной болью и скажи, что после него приму с переломами, да пригласи в помощь Данилу, пора ему повышать свою квалификацию. Сегодня займемся с ним переломами.

Вымыв руки с мылом, я обтер их спиртом и стал рассматривать ротовую полость купца, что уже сидел на стуле возле окна. Десно было воспалено вокруг зуба, поэтому надо было однозначно его удалять. Обколол зуб новокаином, чтобы уменьшить боль, и щипцами аккуратно удалил его вместе с корнем. Из раны хлынула кровь попеременно с гноем. Да, давненько, видимо, мучился зубом купец! Стерильными салфетками выжимал из раны гной, чтобы не оставить его в ране. Когда убедился, что рана чистая, засыпал в нее порошок стрептоцида,

закрыв ватным тампоном и сказал купцу, чтобы три часа не ел и не пил. После чего воткнул ему укол пенициллина от воспаления и отправил домой, сказав, чтобы завтра показался мне. Лада уже подготовила следующего больного. На кушетке сидел молодой парень с распухшей правой рукой. Тряпку, которой была обмотана рука, Лада с Данилой уже сняли. Первый же осмотр и пальпация показали, что сломаны и локтевая, и лучевая кости. Главное, что хоть не открытый перелом, и то легче. Перелом произошел от удара чем-то тяжелым.

– Кто ж тебя так, парень, изувечил? А? – спросил я кривившего лицо от боли молодого человека.

– Васька! Чтоб его нечисть разорвала! – заскрипел от боли парень, когда я за разговорами вправил кости.

– Ну, и что же вы не поделили с ним? Поди какую-нибудь красавицу? Угадал? – стараясь отвлечь его разговорами, я бинтовал к перелому две дощечки, которые мне приготовил Данила, скрепляя руку в неподвижности, чтобы кости спокойно срослись.

– Да, я, барин, уже к Марфе посватался, через месяц свадьба, а он проходу не дает! Откажись от нее, и все тут. Как же я могу отказаться от своей любимой? Вот он меня жердиной и встретил, сказал, что в следующий раз вообще убьет! Да я, то смерти не боюсь, только как же моя Марфуша будет, любим же мы друг друга?! – горестно вздохнул парень.

– Иди на улицу, и дожись меня! Сейчас посмотрю еще больного, и разберемся с тобой.

Пока мыл руки, завели пожилого бородатого мужика в простой одежде. Два молодых бородатых парня, видно его сыновья, поклонились мне и спросили, куда посадить отца. Я показал на кушетку, где до этого сидел влюбленный жених.

Штанина у мужика была закатана до колена, а ниже обмотана окровавленной холстиной. Вот это мне уже не нравилось. Приказав Ладе приготовить горячей кипяченой воды, Даниле завести электрогенератор, так как понадобится свет, потому что становилось уже темно, я стал разматывать тряпки, которые присохли от крови. Мужик держался мужественно, лишь изредка скрипел зубами и слегка постанывал. Открыв от тряпок ногу, я увидел разорванную кожу, из которой торчал острый ярко-белый осколок большой берцовой кости. Рана вокруг опухла и покраснела, шло нагноение. Нога была горячая, что тоже мне не нравилось, как бы не началось заражение крови. Вкатил усиленную дозу антибиотика и обезболит новокаином рану, так как предстояла тяжелая работа. Заставил и Ладу, и Данилу, что помогали мне, одеть марлевые повязки. Показал, как очистить рану от нагноения, как правильно вправить и закрепить кости. После того, как вправили, я зашил рану и, наложив салфетку с синтомициновой мазью, стал прикладывать дощечки от бедра до стопы, так, чтобы нога не могла шевелиться. Вскоре мужик был полностью обездвижен, и я позвал его сыновей.

– Отец ваш будет у меня в течение недели, пока не исчезнет угроза воспаления раны. Мне надо будет шесть раз в день ставить ему уколы. Только тогда он останется живой. В противном случае ваш отец умрет. Понятно? – после этого я вколол ему раствор люминала, чтобы он уснул.

Парни постояли еще возле спящего отца, и который постарше положил на край стола потертый серебряный рубль:

– Возьми, барин, за ради Бога, если мало, то мы отработаем, готовы в закуп пойти ради батьки!

– В закуп мне вас, братцы, не надо, да и отца вашего я пока не вылечил, а только начал его лечить. Сейчас все зависит от его организма и ваших молитв. Вот как вылечится, тогда и поговорим. А деньги возьмите, отцу надо будет каждый день курочку отварную с бульончиком, будете по утрам приносить и кормить отца. – братья ошарашенно и растерянно смотрели на меня, ну не говорить же им о клятве Гиппократата, да и что мне их рубль, я от этого не разбогатею, да и не обеднею тоже. – Давайте, топайте, ребята, я сегодня устал, да и дел еще у меня много! Приходите завтра, сейчас отец уже спит, так что отдыхайте тоже!

Лада, услышав это, категорично выставила их за порог. Умывшись, я вспомнил об обещании бедному влюбленному, который терпеливо ждал меня на ступеньке крыльца.

– Данила, позови сотника и двух дружинников с ним! – попросил я своего нового лекаря.

Тот кивнул мне, ни о чем не спрашивая, надо – значит надо! Вскоре подошел сотник, который еще был во всеоружии, так как не сдал смену.

– Послушай, видишь вон того парня, которого изувечили из-за его невесты? Приведи мне изверга, который это сделал, и в холодную. Поговорим сегодня с ним, а завтра судить принародно будем. – объяснил я его задачу.

– Будет сделано, Андрей Иванович! – сотник повернулся и вышел на крыльцо, следом за ним протопали два воина.

Лошади были уже оседланы, поэтому парня аккуратно усадили в седло, и группа тронулась за виновником. Где-то часа через два привезли связанного и перекинутого, словно куль, через седло, виновника. Сбросив его с седла на землю, воины развязали ему ноги, чтобы мог передвигаться. Парень дрожал, как побитый щенок, руки его были стянуты за спиной, поэтому он не мог вытереть струйку крови, вытекающую изо рта. Видно, при ударе о землю прикусил язык или губу, может и ребята мои «постарались», если кочевряжился.

– Ты чей будешь? – спросил его я.

– Из купцов мы, Кондрашovy, – залезбил он, понимая, что здесь теперь все зависит от меня. – отец, Артем Иванович, владеет тремя лавками, одной ладьей. . .

– Стоп! – остановил его я, – Меня твое состояние не интересует. И так будешь ты, платить за то, что изувечил горожанина, а не твой отец! Хотя и с ним я разберусь, – вспомнив, что мать мальчика с дифтерией уволил как раз Кондрашов, решил я. С этим аспидом тоже будем разбираться.

Глаза парня бегали из стороны в сторону. Мысли путались, от страха ничего не приходило в голову. И дернуло же его избить этого замухрышку, мало что ли девок в городе, которые за деньгу небольшую, готовы на все. Гонор заело, что на него внимание девка не обращает, вот теперь и расхлебывай. Вон воевода, как злобно смотрит на него, от такого золотым не отделаешься, как бы под плети не угадать из-за этого замухрышки. Отца бы известить, он бы что-нибудь придумал! Ох, как всего колотит, даже зубы стучат от взгляда воеводы.

– В «холодную» его, пусть до утра посидит, а там на суд людской! – распорядился я.

Сотнику сказал, чтобы известили людей, что в обед будет на площади суд воевода вести, да парня с невестой чтобы пригласили, как пострадавшую сторону. Сам же пошел спать, устал, однако.

Утром подняли меня ругань и крики со стороны ворот. Сквозь охрану пытались прорваться двое братьев, что-то объясняя охране и показывая на дом. Зевнув, посмотрел на часы, доходит 7 часов, рановато парни приперлись, однако. Видно, сильно отца любят, не побоялись князя будить. Умывшись, спустился к больному. Лада была уже возле него и поила больного своим отваром из трав. Поздоровался со всеми и пошел к рукомойнику тщательно мыть руки с мылом, после чего обтер их спиртом. Только после этого приступил к осмотру раны. Опухоль опала, но краснота еще настораживала. Вогнал ему вновь пенициллин, и снова приложил салфетку с синтомициновой мазью. На срастание костей хорошо бы дать ему мумие, но где ж его взять.

– Лада, отваривайте ему каждый день по две больших луковицы утром, в обед и вечером, а также отвар из ягод шиповника, погуше. Это поможет ему быстрее срастить кости. Эх, было бы мумие, тогда бы в разы быстрее поставили его на ноги! – вздохнул я.

– А что такое мумие? – заинтересовалась Лада.

– По-другому, горная смола. – ответил я, бинтуя больному ногу.

– Дак, я видела на рынке у купцов черные комочки! Они сказали, что от болей в желудке надо принимать. – обрадовала меня Лада.

Я достал серебряный рубль и отправил ее на базар, сказав, чтобы охрана пропустила братьев. Сыновья зашли и принесли горшок с вареной курицей, завернутый в толстую дерюгу, чтобы не остыла. Я вышел, чтобы не смущать мужика, которому, видно, полегчало, так как он начал есть с аппетитом. Вскоре приехал вчерашний купец с вырванным зубом. Осмотрел и его, опухоль со щеки спала, десно начало закрываться на месте вырванного зуба. Дал ему пачку фурацилина и сказал, чтобы полоскал им рот, особенно после еды. Кроме того, посоветовал заваривать кору дуба для полоскания полости рта, с целью укрепления десны и избавления от бактерий и вирусов. Благодарный купец выложил кошель с серебром на стол.

– Не многовато ли платишь за свой зуб, уважаемый? – спросил я его.

– Никто не брался за мой зуб! Бабки нашептывали его, заговаривали, пихали в рот всякую гадость, а он, собака, болел все сильнее. Ладно, купцы посоветовали тебя, княже! Поверь, первый раз выпался за это время, без боли и холодных примочек. Так что бери, это я тебе от чистого сердца. – поклонился мне в пояс купец.

В это время вернулась Лада с мумием и влюбленным женихом со сломанной рукой. Осмотрел его руку, чтобы не ослабли дощечки, которые заменяли гипс и удерживали срастающиеся кости. Все было в порядке. Взял у Лады мумие и дал часть его парню, сказав, чтобы ел три раза в день по маленькому кусочку. Оторвал и показал, по какому, заставив его проглотить мумие. Посоветовал побольше есть холодца, пить настой ягод шиповника и есть отварные луковички лука. Перечислив все это ему, приказал в полдень прийти на площадь с невестой, где будет суд над его обидчиком. После чего пошел на кухню позавтракать, а то как говорит моя милая кухарка Пелагея «все ездют и ездют на барине, одни кожа и кости остались...».

Завтрак, как всегда, был изумительный: гусь, тушеный в капусте, каша с мясом и овощами, пироги рыбные, компот, остальное, братцы, не пробовал. Взмолился, что лопну от такого количества вкуснятины. Морщинистое лицо моей кухарки расплылось от такой похвалы. Поцеловав ее в щеку, я оставил ей серебряный рубль из кошель купца и поехал на строительство кинематографа. Благо время до обеда у меня еще было.

Нашел мастера-прораба, и обошли все здание. Работа с утра уже вовсю кипела, начали перекрывать крышу, главное, успеть до дождей. Другие вставляли оконные блоки, третьи – двери... Просмотрев все, похвалил мастера за правильно организованную работу. Спросил, что еще ему нужно для стройки? Он попросил доставить быстрее стекло и железо для кочегарки в подвале. Пообещав в ближайшее время все подвезти, я поехал на площадь, благо время уже подходило к 12 дня.

Толпа на площади уже собралась большая, сзади все подходил народ, потихоньку заполняя свободное пространство вокруг помоста, где уже стоял обвиняемый с двумя стражниками. Я подъехал на коне к помосту и легко взбежал на него, где поздоровался со всеми пришедшими сюда гражданами Рязани, поклонившись им в пояс. Крики восторга чуть не оглушили меня, так как весь город знал меня как организатора просмотра фильмов и как лучшего врача. Взмахнув рукой, требуя тишины, я начал свою речь, рассказывая о счастливой паре, которые любят друг друга и вот-вот должны обвенчаться, но злобный сын купца Кондрашова коварно изувечил парнишку и стал домогаться до его невесты. Народ затих, слушая мою речь, бабы вытирали краешком платка слезы, услышав, как кричал раненый парнишка, что не уступит, пусть даже его убьют, своей любви. И о том, как я весь вечер спасал ему его руку, чтобы сохранить ему ее для его любимой. И вот сейчас народ будет его судить, что присудит, так тому и быть.

– А сейчас я попрошу на помост выйти наших влюбленных! – пригласил я пострадавшего и его невесту, которые стояли возле помоста.

Смущаясь, они поднялись ко мне. Перевязанная рука висела на бинте через шею. Большой кровоподтек на лице так же не украшал жениха, но его невеста смотрела на него так влюбленно, что на его увечья никто и не обращал внимания.

– Ну, что ж, друзья! Вы видите пострадавших и виновника, сына купца Кондрашова. Давайте судить по русской Правде. Как лекарь, я могу сказать, что три месяца он не сможет этой рукой работать, значит, будет голодать. По его словам, он работал гончаром и делал кружки. За рабочий день он мог сделать сто штук по цене одна копейка серебром. Значит, мог заработать один рубль серебром. На девяносто два дня злодей его вывел из строя. Я правильно считаю?

– Правильно! – воскликнула толпа, которой я умело управлял, играя на их струнах сострадания.

– И вот, когда скоро свадьба, и он надеется заработать на нее, вот этот злодей, – я показал на сжавшегося от страха сына купца. – из-за угла, коварно, наносит удар дубиной, ломая ему кости, чтобы он не мог защитить себя и невесту! Как, народ Рязани, я должен с ним поступить?

– Смерть ему, как разбойнику. – раздался голос рядом с помостом, и отовсюду его подхватила толпа. – Смерть, смерть кровопийцу!!!

Кондрашов-младший рухнул на колени перед толпой и, размазывая хлынувшие слезы, просил пощады. Но толпа хотела крови. Я поднял руку и потребовал тишины.

– Друзья! Я понимаю, что вы требуете сурового наказания этому зарвавшемуся молодому злодею. Но кто же оплатит потерю трудоспособности нашему влюбленному жениху, если мы казним обидчика? А по Правде пишется, что виновный должен заплатить мзду соответственно его вине! Пусть заплатит за дни, что он не может работать, то есть сто рублей серебром, и десять рублей штрафа городу, которые я хочу потратить на бесплатную больницу для детей и беременных женщин. Если согласны, подымите руки! – подвел я итог. Лес рук поднялся над площадью.

– Вот только, кто заплатит за него? Я не вижу желающих.

– Я здесь! – проскрипел голос, как будто несмазанная дверь открылась в неведомо куда.

Высокий, худощавый мужчина с редкой хилой бородой и злобными глазами поднялся на помост. Следом за ним шел упитанный мужичок с сумкой через плечо. Отовсюду слышался шепот: «Сам Кондрашов пришел!», «Так им и надо, кровопивцам!». Кто-то просто плевал им во след.

– Я готов заплатить за сына! – проскрипел купец.

– Хорошо! Сто рублей пострадавшему и десять городу! – сказал я.

Купец махнул рукой следующему за ним мужичку, и тот стал доставать из сумки кошель. Вручив сто рублей пострадавшим, я повернулся к народу:

– Мои земляки! Пострадавшая сторона удовлетворена вашим судом, но удовлетворены ли вы этим? Деньги заплатил отец, он же и воспитал негодяя! А сам-то негодяй ничем не расчитался! Думаю, десяток ударов кнутом по заднему месту добавят мозгов, что нельзя обижать слабых, нужно уважать старших и другие основы христианства! Кто готов стать учителем этого недоросля? Кто вобьет ему через зад, мудрость народную?

Толпа хохотала, на помост вышел кряжистый казак, поправляя роскошные усы. За голенищем у него была воткнута нагайка:

– Дай, княже, поучить этого парубка! Своих выучил, хорошие хлопцы получились, авось и из этого дурня толк будет!

Я махнул рукой, и стражники привязали его к столбу, спустив портки почти до колен. Казак поплевал на ладони и, взмахнув нагайкой, опустил ее ровно поперек розовых булок. Рев раздался над площадью, казалось, орал не один купчишка, а десяток. Следом за вторым ударом последовала новая серия возмущенных воплей. После шестого удара голова виновника поникла, и воплей не последовало.

– Скис, слабак! – сплюнул казак, сматывая нагайку и засовывая ее за голенище.

– Воевода! Можно вопрос? – раздался женский голос. На помост поднялась мать больного дифтерией ребенка.

– Конечно! Мы ж с народом суд ведем! – ответил я.

– А если по Правде, что бывает за изнасилование подчиненной (в древней Руси было слово «пошибание» – прим. автора)?

– Кто же тебя «пошиб»? – удивленный смелостью женщины, спросил я.

– А вот купец Кондрашов, вместе со своим управляющим и испоганили меня! – указав на этих двоих, что стояли на помосте, ответила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.